

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-3-102-5>

© Екатерина Алексеевна Военушкина, 2021

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Республика Коми, Россия,
voenushkina.kat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7612-0250>

© Ekaterina A. Voenushkina, 2021

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Komi Republic, Russia,
voenushkina.kat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7612-0250>

Коммуникативная специфика жанров несказочной прозы

Аннотация. В статье кратко описывается опыт исследования жанров несказочной прозы с точки зрения теории коммуникации, а также делается попытка определить на материале мультимодальных транскрипций двенадцати зафиксированных быличек и бывальщин, собранных от четырех адресантов, как указанные исследователями, так и новые особенности. Затранскрибированный материал анализируется по коммуникативным параметрам. Обозначается ограниченность разделения жанров былички и бывальщины с точки зрения коммуникации.

Ключевые слова: лингвофольклористика, когнитивная лингвистика, мультимодальная лингвистика, теория мультимодальности, теория дискурса.

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Е. Н. Ильиной.

Communicatively specific genres of non-fairytale prose

Abstract. The article briefly describes genres of non-fairytale prose in the context of communication theory, and also makes an attempt to identify both new features and ones highlighted by the researchers based on the multimodal transcriptions of twelve recorded stories called “bylichka” and “byval’shchina” collected from four respondents. The transcribed material is analyzed by communicative parameters. The author determines some restrictions on differentiation between the genres of “bylichka” and “byval’shchina” from the point of view of communication.

Keywords: linguistic folkloristics, cognitive linguistics, multimodal linguistics, multimodality theory, discourse theory.

Acknowledgments. The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor E. N. Ilyina.

Введение

Достаточно долгое время исследователей фольклора в большей степени интересовали разные аспекты бытования жанров несказочной прозы: жанровая специфика, тематическая классификация и т. д. Однако по какой-то причине коммуникативный

аспект изучения указанных жанров до настоящего времени не становился для лингвофольклористов приоритетным. Целью данной статьи мы считаем выявление особенностей жанров несказочной прозы с точки зрения теории коммуникации. Нас интересует фольклор как речевая деятельность, а некоторые жанры, в частности былички и бывальщины, мы будем рассматривать как речевой жанр. На наш взгляд, важно обозначить и доказать, что естественное коммуникативное намерение адресанта, не осознаваемое им самим, состоит в том, чтобы убедить адресата в достоверности событий сюжета былички или бывальщины. Кроме того, значимым является выделение и описание структуры былички и бывальщины как речевого жанра, определение возможных тактик и стратегий убеждения адресата адресантом.

Основная часть

Устная проза всегда была предметом повышенного внимания фольклористов. Большинство исследователей разделяют существующие жанры устной народной прозы на две большие группы, имеющие некоторые различия. Основная функция первого раздела, куда входят сказки, анекдоты, былины, частушки и т. д.¹, – эстетическая: адресант осознает свое намерение придать исполняемому тексту определенный художественный вымысел. Ко второму разделу причисляются те жанры, в которых для говорящего важна категория достоверности, поэтому какие-то детали художественного вымысла играют совершенно другую роль, они не являются элементами эстетики, а служат своего рода доказательствами истинности произошедшего волшебного события. К этой группе относятся жанры несказочной прозы.

Для русской устной несказочной прозы характерно многообразие жанров. Она включает в себя предания, легенды, бывальщины и былички. Для нас наиболее актуальными являются былички и бывальщины, поскольку далее мы будем анализировать произведения данных жанров, затранскрибированные методом мультимодального анализа текста.

Быличка традиционно считается историей о встрече говорящего с нечистой силой. В ней наиболее полно и ярко отразились народные представления о мифических существах. Исследователи считают, что формирование быличек как отдельного жанра может быть связано с возникновением персонажей нечистой силы в славянской мифологии².

По мнению Э. В. Померанцевой, термин *быличка* обязан своему появлению братьям Б. М. и Ю. М. Соколовым, которые зафиксировали это слово у белозерских крестьян³. Исследователи впервые употребили данное понятие в своем сборнике «Сказки и песни Белозерского края»⁴. Вслед за белозерскими крестьянами, а потом и

¹ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – Москва: Наука, 1975. – С. 11.

² Цветкова Е. П. Фольклорная быличка Водлозерья: Колдовство и магическая традиция. – URL: https://ruthenia.ru/folklore/au_tsvetkova1.htm (дата обращения: 28.12.2020).

³ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – Москва: Наука, 1975. – С. 14.

⁴ Соколов Б., Соколов Ю. Сказки и песни Белозерского края. – Москва: Печать А. И. Снегиревой, 1915. – 666 с.

братьями Соколовыми указанный термин стали использовать в научном обиходе при упоминании рассказов о встрече с нечистой силой.

В дальнейших исследованиях фольклористы попытались определить различия между *быличкой* и *бывальщиной* (*досюльщиной*), поскольку второе наименование уже давно присутствовало в исследовательском обиходе. Если братья Соколовы отождествляли быличку и бывальщину, то Н. Е. Ончуков предположил, что бывальщины – это рассказы более обобщенные и не приуроченные ко встрече говорящего с мифологическим персонажем¹. Э. В. Померанцева также считала, что содержание терминов *бывальщина* и *быличка* несколько отличается: «Термин *быличка* соответствует понятию *суеверный меморат*. От *бывальщины*, *досюльщины*, *предания*, т. е. фабулата или фикта, *быличка* отличается <...> бесформенностью, единичностью, необобщенностью»². По предположению И. С. Веселовой, бывальщину можно разграничить с быличкой только по форме передачи. Адресант излагает бывальщину от 3 л., а не от 1 л., как это делается в быличке³.

На наш взгляд, различия между быличкой и бывальщиной, выявленные вышеуказанными исследователями, обоснованы, однако не совсем естественны, поскольку, как мы полагаем, в живой коммуникации, а не в зафиксированных текстах иногда невозможно четко разграничить данные жанры.

В современной филологической парадигме отсутствует строгая классификация, которая учитывала бы все особенности суеверных меморатов. Несмотря на разграничение жанров исследователи предлагают единую классификацию для *быличек* и *бывальщин*. Как правило, в обоих жанрах повторяются одни и те же мотивы, сюжеты, поэтому репертуар фольклористы делят на группы суеверных меморатов. Так, Э. В. Померанцева в своей монографии «Мифологические персонажи в русском фольклоре» разделяет слышанные рассказы о встречах с нечистой силой на следующие тематические группы:

- о духах природы (лешем, водяном, полевом, полуднице, русалках);
- о домашних духах (домовом, баснике, овиннике, хлевнике);
- о черте;
- о волшебных кладах;
- о мертвецах;
- о привидениях;
- о колдунах⁴.

Жанры несказочной прозы относятся к тем формам устного народного творчества, в которых не воспроизводятся конкретные речевые формулы, а транслируются

¹ Ончуков Н. Е. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. – Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1908. – С. 21.

² Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – Москва: Наука, 1975. – С. 14.

³ Веселова И. С. «Несказочная» проза: мифологические нарративы // Фольклор и фольклористика в СПбГУ. – URL: <http://folk.spbu.ru/Reader/veselova.php?rubr=Reader-lectures> (дата обращения: 05.01.2021).

⁴ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – Москва: Наука, 1975. – 191 с.

мотивы и сюжеты. Они причисляются к фольклорным лишь потому, что их автором является народ. Исследование коммуникативного аспекта жанров несказочной прозы позволит зафиксировать особенности трансляции специфической картины мира, свойственной носителю мифологического типа мышления.

Критерии оценивания устной прозы затрагивают еще один аспект фольклорной речи, поскольку адресат, воспринимающий быличку, оценивает конкретный факт, определенные ценности, передаваемые в этом тексте, а не форму, в которой воплощается текст. В быличках проявляются стереотипные правила мироустройства, но не стереотипные формы речи.

Вновь мы согласимся с Э. В. Померанцевой в том, что при исследовании жанров несказочной прозы важно учитывать контекст и дискурс, в которых существуют быличка или бывальщина. «Вырванная из контекста быличка не является уже живым фактом устной прозы»¹.

Воссоздать контекст исследуемого факта устной прозы можно с помощью инструментов исследования теории коммуникации. Вслед за К. В. Чистовым мы считаем, что «жанр – это не только определенные правила запоминания и воспроизведения текста, но и не менее определенные коммуникативные ожидания и готовность понять текст в соответствии с этими ожиданиями»².

Мы согласны с С. Б. Адоньевой в том, что любое фольклорное произведение в большей степени является не творческим, а речевым актом. В своем естественном бытовании быличка или бывальщина представляют собой не просто текст: они больше, чем вербальное воспроизведение сюжета или мотива встречи с нечистой силой. Это фольклорное произведение в среде живого общения – высказывание или речевой акт, которые также предполагают наличие говорящего (адресанта) и слушателя (адресата), в том числе и их невербальное взаимодействие.

При определении речевого жанра мы придерживаемся точки зрения М. М. Бахтина. На наш взгляд, *речевой жанр* – относительно устойчивые типы индивидуальных высказываний, которые обуславливаются сферой использования языка. Речевыми жанрами М. М. Бахтин считал короткие реплики диалога бытового характера, рассказ, письмо, развернутый и детализированный приказ, деловые документы, публицистические выступления, формы научных выступлений и все литературные жанры³.

Необходимо выделить критерии для определения специфических особенностей быличек и бывальщин как речевых жанров. В дальнейшем исследовании мы будем придерживаться параметров модели речевого жанра, которые выделила Т. В. Шмелева:

1) коммуникативная цель (информативная, императивная, оценочная, этикетная);

¹ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – Москва: Наука, 1975. – С. 20.

² Чистов К. В. Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. – Москва: О.Г.И., 2005. – С. 161.

³ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1986. – С. 250–251.

- 2) образы автора и адресата, которые соотносятся друг с другом;
- 3) образы прошлого и будущего;
- 4) диктумное (событийное содержание) – определение пропозиции;
- 5) языковое воплощение¹.

Материалом для анализа являются видеозаписи из Фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина: аналоговые видеозаписи Подосиновского собрания (ВФ 2301 и 2302, записи 1994 г., собиратели – Г. С. Савельева, А. В. Панюков). Мы затранскрибировали 7 быличек и 5 бывальщин от четырех адресантов: Александры Ивановны Островской, 1926 г. р., уроженки д. Скулина гора; Евдокии Аристарховны Листой, 1916 г. р., уроженки д. Дор; Любви Ануфриевны Пинежаниной, 1916 г. р., уроженки д. Садамово; Ульяны Андреевны Бетехтиной, 1917 г. р.

На основе изучения видеозаписей и мультимодальной транскрипции, подробно зафиксировавших три информационных канала (вербальный, просодический и жестовый), мы пришли к выводу, что **коммуникативной целью** былички и бывальщины является **информирование адресата адресантом**, поскольку изначально собиратели приходят для того, чтобы узнать, записать новые тексты устной традиции, для них важно зафиксировать новую вариацию устойчивого мотива.

Однако некоторые исследователи считают, что сама форма собирательства фольклора нарушает естественное бытование жанра, поскольку «быличка как законченный текст в ее “классическом” виде представляет собой двучленное высказывание, полнота и законченность которого в равной степени создаются и говорящим, и слушающим»².

Двойственная структура былички заключается в том, что говорящий – это лицо, ответственное за типологически правильное повествование данного текста. Речевой жанр должен обладать определенным количеством релевантных признаков, с помощью которых слушающий сможет опознать демонологического персонажа или традиционный мотив. Важно отметить, что процесс узнавания и отождествления повествуемого в быличке с демонологическим персонажем или традиционным сюжетом соотносится не с рассказчиком, а со слушателем, поскольку именно этот коммуникативный процесс узнавания позволяет понять, принадлежит слушатель к данной фольклорной традиции или нет, является он *своим* или *чужим*³.

Двучастная структура речевого жанра былички несколько нарушается именно из-за своего не совсем естественного бытования, если собиратель пытается зафиксировать фольклорное произведение в тот момент, когда у него есть возможность просто побеседовать с рассказчиком, а не тогда, когда это требуется согласно традиции:

¹ Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи / под редакцией В. Е. Гольдина. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 93.

² Левкиевская Е. Е. Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: сборник статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / составители А. С. Архипова, М. А. Гистер, А. В. Козьмин. – Москва: Наука, 2008. – С. 342.

³ Там же. – С. 343.

обычно «вечером, в свободное время»¹. Структура нарушается и при условии, если собиратель меняет последовательность действий: сначала спрашивает про мифологического персонажа, а затем информант должен что-то вспомнить об этом: «*А что делает-то нечистая сила?*» (ВФ 2302: 2:05:02).

Несмотря на не совсем каноническую форму речевого жанра былички, мы считаем, что информативная коммуникативная цель связана именно с запросом новой информации собирателем.

Что касается **образов автора (адресанта) и адресата**, то в естественной ситуации, когда отсутствует такая роль, как собиратель, образы автора и адресата постоянно сменяют друг друга. Необходимая характеристика речевого жанра былички в естественной коммуникативной ситуации – это статусное равенство партнеров.

В своем исследовании «Прагматика фольклорного текста» С. Б. Адоньева при описании жанра частушек употребляет термин *агон*, под которым подразумевает такую коммуникативную ситуацию, в которой присутствует соревновательный элемент при использовании фольклорных произведений этого жанра². Наряду с агонем частушек в естественной коммуникативной ситуации существует и агон быличек. По словам Е. Е. Левкиевской, «сопоставительность между участниками, заложенная в частушечном агоне, пусть в гораздо более слабой и редуцированной форме характерна и для ситуации рассказывания быличек. Сопоставительность предполагает не просто знание быличек и умение их рассказывать, но и знание того, как распределяются ролевые “обязанности” между участниками беседы»³. Как утверждала Е. А. Мигунова, «историю для того и рассказывают, чтобы собеседник отреагировал на нее и сам объяснил или объявил рассказчику, “что это было”, а в качестве доказательства своего понимания привел аналогичный пример – еще один рассказ»⁴.

Если собиратель настойчиво пытается получить от адресанта новую информацию (что является не совсем естественной коммуникативной ситуацией бытования быличек), то адресант находится в менее выгодной позиции, чем собиратель. В подобных обстоятельствах информант, от которого исследователь фактически требует новых сведений (это можно проследить по видеозаписи или транскрипции), несколько теряется: сначала не может вспомнить необходимый фольклорный текст, а вспомнив, обесценивает свое знание: «*Не была да не буду говорить и врать*», «*А про что рассказывали, не знаю, про что и рассказывали*» (ВФ 2302: 2:40). Даже в русле основно-

¹ Левкиевская Е. Е. Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: сборник статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / составители А. С. Архипова, М. А. Гистер, А. В. Козьмин. – Москва: Наука, 2008. – С. 343.

² Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; Амфора, 2004. – С. 148–156.

³ Левкиевская Е. Е. Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: сборник статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / составители А. С. Архипова, М. А. Гистер, А. В. Козьмин. – Москва: Наука, 2008. – С. 345.

⁴ Мигунова Е. А. К вопросу о функции мифологического рассказа // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве. В честь Наталии Михайловны Герасимовой / под редакцией И. Ф. Даниловой. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2002. – С. 245.

го повествования былички про то, как женщина-адресант отказалась смотреть на себя в зеркало в ситуации, когда знающая соседка сказала, что та стала плохо выглядеть, информант как бы транслирует свою отрешенность: *«А я вот ничего не знаю, только прошу у Господа Бога: “Помоги мне, Господи”, больше ничего...»* (ВФ 2302: 1:21).

Диктумное содержание всех зафиксированных быличек и бывальщин связано с пропозицией встречи адресанта (или его знакомого) с нечистой силой, что воспринимается говорящим как реально произошедшее событие, поэтому нам необходимо более подробно остановиться на коммуникативных стратегиях, которые используются в речи адресанта.

В естественной форме бытования былички превалирует **коммуникативная стратегия словесного состязания**. В неестественной форме, когда собиратель хочет получить от информанта фольклорный текст, преобладающей является **стратегия просьбы**. Кроме того, нельзя не отметить стратегию назидания в финале высказывания данного речевого жанра: *«Вот как раньше жили»* (ВФ 2302: 2:09:37), *«Вот так-то вам ругаться!»* (ВФ 2302: 1:12:45), *«Не надо так, говорит, делать! Зачем другу дружку ту угроблять-то?!»* (ВФ 2302: 1:14:42–45).

Отдельное внимание следует уделить стратегии убеждения адресата в достоверности произошедших событий. Критерии оценивания устной прозы затрагивают совершенно другой аспект фольклорной речи, поскольку, как мы уже говорили ранее, слушатель, воспринимающий быличку, оценивает конкретный факт и ценности, транслируемые в тексте, а не форму, в которой этот текст воплощается. Следовательно, можно утверждать, что обладатель синкретического мышления расценивает фантастические события не как собственно вымышленные, а, скорее, как те, что гармонично встраиваются в его картину мира, не нарушая общих законов вселенной. Именно по этой причине целью говорящего является воздействие на адресата речи для того, чтобы убедить его в достоверности чудесных (фантастических) событий, и эта цель не осознается им самим.

Говорящий, неосознанно убеждая адресата, использует излишние подробности в повествовании. Например, так происходит в бывальщине / быличке о том, как мать адресанта столкнулась с нечистой силой, после чего у нее на какой-то промежуток времени отнялись ноги: *«Уехали мы в магазин. Мне там как-то дали лоток... шерстяной. Ну ладно... мы поехали в магазин, тятя говорит: “Ты, доченька, спичек купи”. Спичек надо немного, ну давай, я купила спичек-то, а он: давай деньги-те, продавцу-то. А он говорит: “Нечем сдать, <...> нечем”. “Давай я тебе все, – говорит, – спички”. Я потом, наверное, <нрзбрч.> все спичками. На растопку все спички. Так мы и приехали домой, спички все <нрзбрч.> так все. Я захожу домой как честь-честью... это... стоит. А я знаю, что он пойдет на собрание... на колхоз, он-то. Я захожу вот потом, собираю это, а как в деревне так видали там, наверно, ходите так: и печки маленькие, и трубы есть такие... ну вот. Я пошла, за трубы запнулась. Это что такое, почто трубы тут лежат? Хотела перешагнуть, тЕмно, нОчь. Ко столу прихожу, стол на боку. Господи, да что это такое?! Взяла, спичку чиркнула, лампу достала... керосиновую, это достала вот так. Икону чуть... <нрзбрч.> Ну вот... а мама лежит на печи...»* (ВФ 2302: 1:08:43–

1:10:03). Мы считаем, что здесь быличка сливается с бывальщиной, поскольку присутствует собственное повествование от 1 л., а основной сюжет былички (со слов матери адресанта) начинается уже только после всей экспозиции, которая представлена в примере выше. Детальные подробности выделены нами полужирным шрифтом; предполагаем, что они необходимы для большей убедительности, для придания рассказываемой истории определенной достоверности.

На видеозаписи зафиксировано, что адресант часто применяет указательные жесты (если хочет обратить внимание слушателя на определенные детали: на трубы, на положение стола, на место, где лежала мать, на расположение печи и т. д.). Скорее всего, это объясняется сопряженностью говорящего с произошедшей ситуацией: во время использования этого коммуникативного жанра адресант словно еще раз проживает происходившие события, находится в моменте повествования и пытается воссоздать картину прошлого не только для себя, но и для собирателя. Очевидно, что данный факт придает повествованию достоверность, поэтому использование говорящим указательных жестов можно считать еще одним компонентом стратегии убеждения.

Образы прошлого и будущего достаточно схожи в двух формах бытования жанра быличек. В естественной форме, когда собеседники соревнуются между собой в знании элементов культуры, образ будущего не является особенно актуальным, так же, как и в ответе на запрос собирателя в получении новой информации. Мы предполагаем, что это обусловлено процессом сохранения исторической памяти, традиционным укладом жизни, сопряженным с календарным циклом. Соответственно, для сохранения естественного хода жизни необходимо помнить и учитывать все нестандартные, необычные ситуации – встречи с нечистой силой.

Параметр **языкового воплощения** представляется нам достаточно важным в структуре описания речевого жанра, однако, как настаивает Т. В. Шмелева¹, лингвистически не самым важным. Среди наиболее значимых с точки зрения коммуникативного жанра языковых признаков для былички мы выделяем вербальные и невербальные признаки. В первой группе особенно важны, на наш взгляд, следующие:

1) формы глаголов. В большинстве случаев встречаются **глаголы в форме прошедшего времени**, что вполне закономерно, поскольку, как мы отметили ранее, для говорящего гораздо более значимым является прошлое: *«Ну, только ее... **наговорила-наговорила** она ему и водички **дала попить**. Все, парень **успокоился**... **больше никуда не побежал**... **сел на место** и сидит. Ну-у... она в досках она его **нашла**, за шкафом ей... его **забили**. Ну-у вот эта... **нечиста сила-та**...»* (ВФ 2302: 2:07–09).

Менее частотным, однако нередко встречающимся является сочетание **глаголов в форме настоящего времени с указательными жестами**, когда говорящий как будто снова оказывается участником событий прошлого: *«...Я **захожу** вот **потом** (указание на ранее произошедшую ситуацию), **соберу это**, а как в деревне так **видали там**, наверно, **ходите** так: и **печки маленькие**, и **трубы есть такие** (указывает на трубы и печи). Ну вот. Я пошла, за **трубы** **запнулась**»* (демонстрирует резким движе-

¹ Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи / под редакцией В. Е. Гольдина. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 96.

нием рук, как она запнулась о трубы). *Это что такое, почто трубы тут лежат?* (показывает на трубы). *Хотела перешагнуть, тЕмно, нОчь. Ко столу прихожу, стол на боку* (резким движением руки указывает на упавший стол). *Господи, да что это такое?! Взяла, спичку чиркнула, лампу достала... керосиновую, это достала вот так* (показывает на лампу). *Икону чуть... <нрзбрч.>* (указывает на икону). *Ну вот... а мама лежит на печи, неровно стоит* (про икону), *икона у нее у головы, как буд-то... <нрзбрч.>* *И к самому к... <нрзбрч.>* *так прижала и... сидит, то есть ле-жит. Я чувствую, что она потчует, будить не стала. Я давай к отцу в контору, недалеко контора была...»* (ВФ 2302: 1:09–10);

2) смешение форм повествования от 1 л. и 3 л., по нашему мнению, связано с определением жанров былички и бывальщины. Как уже было сказано ранее, традиционно считается, что употребление форм 1 л. – это признак былички, а использование форм 3 л. – бывальщины. Однако на практике мы столкнулись с тем, что в рамках одного рассказа о встрече с нечистой силой смешиваются формы 1 и 3 л. Говорящий, который рассказывает о случае, произошедшем не с ним, а с его знакомым, пытается погрузиться в эту историю, чтобы более убедительно и достоверно передать атмосферу рассказа: *«Мы тоже ходили, говорит, да собирали, да, говорит, идем, нас трое было... идем, говорит, три мы, голубушки. Я говорю, понеси <нрзбрч.> и возьми нашу. Говорит, летом работы работай, весной корову кормить нечем, ходи собирай. Как лешечиха, говорит,... я его волочила».* (ВФ 2302: 1:15–16). Рассказчик использует прямую речь, чтобы казаться убедительнее. Однако при просмотре видеозаписи данной былички / бывальщины мы смогли определить сюжет рассказа далеко не сразу, по ходу истории не было понятно, что говорящий пересказывает чужой сюжет о том, как три девушки по дороге из леса встретили черта. Только после слов адресанта *«со мной не бывало»* мы сумели определить жанр рассказа.

По нашему мнению, для былички как речевого жанра совершенно не важно, кто встретил представителя нечистой силы: сам говорящий или его знакомый / родственник / друг и т. д. Считаем, что с точки зрения коммуникации наиболее актуально и значимо само явление встречи с потусторонним, поскольку оно транслирует определенный порядок мироустройства, а это важнее для коллектива, чем для индивида. Неслучайно в конце каждой коммуникативной ситуации с использованием данного речевого жанра звучит определенный назидательный мотив: *«А-а-а, догадались!... Вот так!»* (ВФ 2302: 1:16:50), *«...Не надо так, говорит, делать. Зачем другу дружку ту угроблять-то?!»* (ВФ 2302 1:14:42–45).

Одним из важных параметров, который не указывает Т. В. Шмелева, является коммуникативная функция речевого жанра. Многие исследователи¹ утверждают, что основное коммуникативное отличие жанров сказочной прозы от других фольклорных произведений состоит в различном определении их функций. Если вторые

¹ Голованов И. А. Проблема жанровой дифференциации сказочной прозы: коммуникативный аспект // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. – 2008. – № 36 (137). – С. 26–33; Чистов К. В. Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. – Москва: О.Г.И, 2005. – С. 160.

выполняют собственно эстетическую функцию и обязательно сопровождаются ритуалом, то первые обладают в большей степени информативной функцией. Однако это не единственная функция быличек и бывальщин. Так, например, Л. Н. Виноградова в своей статье «Былички и демонологические поверья: границы фольклорного текста» выделяет следующие функции быличек:

- 1) сохранение в коллективе информации о соседствующих с человеком потусторонних силах;
- 2) обучение слушателей правилам общения с нечистой силой, предостережение их об опасности (дидактическая функция);
- 3) повествование о страшном: былички дают возможность ощутить, пережить (и тем самым преодолеть) чувство страха (терапевтическая функция);
- 4) «концептирующая» функция – актуализация ряда важнейших мифологических представлений о мироустройстве¹.

Мы считаем, что говорящий, используя в своей речи тот или иной жанр нескладочной прозы, пытается установить контакт с адресатом, поэтому выделяем также фатическую функцию. Понимание того, была ли достигнута коммуникативная цель, приходит только в конце изложения былички. Если собиратель воспринял назидание или узнал какого-нибудь демонологического персонажа, то адресант демонстрирует на своем лице улыбку (ВФ 2301: 22:01, 22:52; ВФ 2302: 1:12:45, 1:14:27, 2:09:37).

Выводы

Таким образом, мы считаем, что быличка / бывальщина – это гармонично устроенный речевой жанр, который характеризуется определенной коммуникативной структурой. Для нее свойственна двучастная структура бытования, предполагающая вначале процесс изложения сюжета былички, а затем узнавание другим участником коммуникации демонологического персонажа или традиционного повторяющегося мотива. Однако данная естественная форма коммуникации нарушается в другой коммуникативной ситуации: когда собиратель требует воспроизвести сюжет исключительно для того, чтобы его записать, не желая включаться в процесс узнавания. Несмотря на нарушение естественной формы бытования этого речевого жанра, мы считаем, что его коммуникативной целью является информационный запрос, который, в зависимости от ситуации общения, может быть удовлетворен или не удовлетворен.

В естественной форме бытования былички превалирует коммуникативная стратегия словесного состязания, учитывая то, что статус участников коммуникации одинаков. В неестественной форме, когда собиратель хочет получить от информанта фольклорный текст, превалирует стратегия просьбы, и в данной ситуации слушатель занимает уже более властную позицию требователя.

Для речевого жанра былички важным параметром является категория достоверности. Она достигается с помощью нескольких характеристик: все подробности описания окружающего пространства, упоминание незначительных для сюжета персо-

¹ Виноградова Л. Н. Былички и демонологические поверья: границы фольклорного текста // Живая старина. – 2004. – № 1. – С. 13–14.

нажей и т. д. необходимы для убеждения, для придания рассказываемой истории определенной достоверности. Использование указательных жестов в совокупности с глаголами в форме 1 л. н. вр. обуславливается тем, что адресант, рассказывая быличку, словно вновь проживает моменты прошлого и пытается воссоздать картину не только для себя, но и для собирателя.

На наш взгляд, разделение таких жанров, как быличка и бывальщина, обусловлено лишь формальным удобством, однако данное разобщение неестественно с точки зрения коммуникации, поскольку иногда в процессе изложения истории формы 1 л. и 3 л. смешиваются и становится не совсем очевидно, от чьего лица ведется повествование. Полагаем, что для коммуникативной ситуации важен именно факт встречи говорящего с нечистой силой, причем не столь принципиально – самого говорящего или его знакомого, поскольку такая ситуация транслирует определенные закономерности мирового порядка. Это имеет значение не для отдельного человека, а для всего коллектива.

Список литературы

- Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; Амфора, 2004. – 312 с.
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1986. – С. 250–296.
- Веселова И. С. «Несказочная» проза: мифологические нарративы // Фольклор и фольклористика в СПбГУ. – URL: <http://folk.spbu.ru/Reader/veselova.php?rubr=Reader-lectures> (дата обращения: 05.01.2021).
- Виноградова Л. Н. Былички и демонологические поверья: границы фольклорного текста // Живая старина. – 2004. – № 1. – С. 10–14.
- Виноградова Л. Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. – Москва: Индрик, 2016. – 384 с.
- Голованов И. А. Проблема жанровой дифференциации несказочной прозы: коммуникативный аспект // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. – 2008. – № 36 (137). – С. 26–33.
- Дарчиева М. В. О категории времени в фольклорном тексте: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5 (35); в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 64–66.
- Еремина В. И. Ритуал и фольклор. – Ленинград: Наука, 1991. – 207 с.
- Левкиевская Е. Е. Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: сборник статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / составители А. С. Архипова, М. А. Гистер, А. В. Козьмин. – Москва: Наука, 2008. – С. 341–363.
- Мигунова Е. А. К вопросу о функции мифологического рассказа // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве. В честь Наталии Михайловны Герасимовой / под редакцией И. Ф. Даниловой. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2002. – С. 243–252.
- Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. – 2002. – Т. 3. – № 3 (7). – С. 3–7.
- Ончуков Н. Е. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. – Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1908. – 643 с.
- Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – Москва: Наука, 1975. – 191 с.

Разумова И. А. Сказка и быличка (Мифологический персонаж в системе жанра). – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. – 112 с.

Соколов Б., Соколов Ю. Сказки и песни Белозерского края. – Москва: Печать А. И. Снегиревой, 1915. – 666 с.

Цветкова Е. П. Фольклорная быличка Водлозерья: Колдовство и магическая традиция. – URL: https://ruthenia.ru/folklore/au_tsvetkova1.htm (дата обращения: 28.12.2020).

Черванева В. А. Речевые жанры мифологического текста: субжанр личной интерпретации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 1. – С. 76–78.

Чистов К. В. Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. – Москва: О.Г.И, 2005. – С. 157–185.

Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи / под редакцией В. Е. Гольдина. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 88–98.

References

Adon'eva S. B. *Pragmatika fol'klora* [The pragmatics of folklore]. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet; Amfora, 2004. 312 p.

Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva* [Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal art]. Moscow: Iskusstvo, 1986, pp. 250–296.

Veselova I. S. “Nesказochnaia” proza: mifologicheskie narrativy [“Non-fairy tale” prose: mythological narratives]. *Fol'klor i fol'kloristika v SPbGU* [Folklore and folkloristics at St. Petersburg State University]. Available at: <http://folk.spbu.ru/Reader/veselova.php?rubr=Reader-lectures> (accessed: 05.01.2021).

Vinogradova L. N. Bylichki i demonologicheskie pover'ia: granitsy fol'klornogo teksta [Bylichka and demonological beliefs: the boundaries of folklore text]. *Zhivaia starina* [Living old times], 2004, no. 1, pp. 10–14.

Vinogradova L. N. *Mifologicheskii aspekt slavianskoi fol'klornoj traditsii* [Mythological aspect of the Slavic folklore tradition]. Moscow: Indrik, 2016. 384 p.

Golovanov I. A. Problema zhanrovoy differentsiatsii nesказochnoi prozy: kommunikativnyi aspekt [The problem of genre differentiation of non-fairy tale prose: communicative aspect]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences], 2008, no. 36 (137), pp. 26–33.

Darchieva M. V. O kategorii vremeni v fol'klornom tekste: k postanovke problemy [On the category of time in folkloric text: problem definition]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and practice], 2014, no. 5 (35): in 2 parts, part 1, pp. 64–66.

Eremina V. I. *Ritual i fol'klor* [Ritual and folklore]. Leningrad: Nauka, 1991. 207 p.

Levkievskaja E. E. Bylichka kak rechevoi zhanr [Bylichka as a speech genre]. *Kirpichiki: fol'kloristika i kul'turnaia antropologiya segodnia: sbornik statei v chest' 65-letia S. Iu. Nekliudova i 40-letia ego nauchnoi deiatel'nosti* [Bricks: folklore and cultural anthropology today: collection of papers in honor of the 65th anniversary of S. Yu. Neklyudov and the 40th anniversary of his academic career; compiled by A. S. Arkhipova, M. A. Gister, A. V. Koz'min]. Moscow: Nauka, 2008, pp. 341–363.

Migonova E. A. K voprosu o funktsii mifologicheskogo rasskaza [On the function of a mythological story]. *Traditsionnye modeli v fol'klоре, literature, iskusstve. V chest' Natalii Mikhailovny Gerasimovoi* [Traditional models in folklore, literature, art. In honor of Natalia Mikhailovna Gerasimova; ed. by I. F. Danilova]. St Petersburg: Evropeiskii Dom, 2002, pp. 243–252.

Nekliudov S. Iu. *Fol'klor: tipologicheskii i kommunikativnyi aspekty* [Folklore: typological and

communicative aspects]. *Traditsionnaia kul'tura* [Traditional culture], 2002, vol. 3, no. 3 (7), pp. 3–7.

Onchukov N. E. *Severnnye skazki: Arkhangel'skaia i Olonetskaia gg.* [Northern tales: Arkhangel'sk and Olonets]. St Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina, 1908. 643 p.

Pomerantseva E. V. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре* [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow: Nauka, 1975. 191 p.

Razumova I. A. *Skazka i bylichka (Mifologicheskii personazh v sisteme zhanra)* [Fairy tale and bylichka (Mythological character in the genre system)]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 1993. 112 p.

Sokolov B., Sokolov Iu. *Skazki i pesni Belozerskogo kraia* [Tales and songs of the Belozersky district]. Moscow: Pechatie A. I. Snegirevoi, 1915. 666 p.

Tsvetkova E. P. *Fol'klornaia bylichka Vodlozer'ia: Koldovstvo i magicheskaia traditsiia* [Folklore bylichka of Vodlozeria: Witchcraft and magical tradition]. Available at: https://ruthenia.ru/folklore/au_tsvetkova1.htm (accessed: 28.12.2020).

Chervaneva V. A. Rechevye zhanry mifologicheskogo teksta: subzhanr lichnoi interpretatsii [Speech genres of mythological text: subgenre “personal interpretation”]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism], 2017, no. 1, pp. 76–78.

Chistov K. V. Poetika slavianskogo fol'klornogo teksta. Kommunikativnyi aspekt [Poetics of the Slavic folklore text. Communicative aspect]. *Chistov K. V. Fol'klор. Tekst. Traditsiia* [Chistov K. V. Folklore. Text. Tradition]. Moscow: O.G.I, 2005, pp. 157–185.

Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi* [Genres of speech; ed. by V. E. Gol'din]. Saratov: Kolledzh, 1997, iss. 1, pp. 88–98.

Для цитирования: *Военушкина Е. А. Коммуникативная специфика жанров несказочной прозы // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 3 (102). – С. 68–80. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-3-102-5>*

For citation: *Voenushkina E. A. Communicatively specific genres of non-fairy tale prose. Cherepovets State University Bulletin, 2021, no. 3 (102), pp. 68–80. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-3-102-5>*

Сведения об авторах

Екатерина Алексеевна
Военушкина /
Ekaterina A. Voenushkina

Аспирант, <https://orcid.org/0000-0001-7612-0250>,
voenushkina.kat@yandex.ru, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (д. 55, пр-т Октябрьский, 167001 Республика Коми, Сыктывкар, Россия) / Postgraduate student, <https://orcid.org/0000-0001-7612-0250>, voenushkina.kat@yandex.ru, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktiabr'skiy pr., 167001 Komi Republic, Syktyvkar, Russia).

Статья поступила в редакцию 20.01.2021; Одобрена после рецензирования 01.02.2021; Принята к публикации 05.02.2021.

The article was submitted 20.01.2021; Approved after reviewing 01.02.2021; Accepted for publication 05.02.2021.